

Наталья Владимировна Барабошина

Самарский государственный медицинский университет, кандидат философских наук, Самара, Россия
e-mail: baraboshina@mail.ru

Концепт «граница» в философии В. С. Библера

Аннотация. В статье дается развернутый анализ концепта «граница» в философии В. С. Библера. Граница в рамках данной философской модели рассматривается в контексте логики как грань смыслообразования, преодоления ситуации парадокса, принятия внутренней установки сознания на диалог. В онтологии Библера граница может быть осмыслена как момент перехода несуществующего бытия в наличное бытие, как момент актуализации бесконечно-возможного бытия в план произведения.

Ключевые слова: граница, парадокс, диалог, диалогика, философская логика культуры.

Natalya V. Baraboshina

Samara State Medical University, Candidate of Philosophical Sciences, Samara, Russia
e-mail: baraboshina@mail.ru

The Concept “Border” in the Philosophy of V. S. Bibler

Abstract. The article provides a detailed analysis of the concept of “border” in the philosophy of V. S. Bibler. The border within the framework of this philosophical model is considered in the context of logic as the facet of meaning formation, overcoming the situation of paradox, and accepting the internal orientation of consciousness to dialogue. In Bibler’s ontology, the border can be understood as the moment of transition of non-existent being into actual being, as the moment of actualizing infinite-possible being into the plan of production.

Keywords: border, paradox, dialogue, dialogics, philosophical logic of culture.

Говоря о современной культуре, невозможно дистанцироваться от проблемы границ. На любом уровне общественной жизни — от проблем межкультурной коммуникации и споров о статусе современного искусства до обсуждения пределов вмешательства в организм человека культура настойчиво «вопрошает» о необходимости границ. Ответом на подобный «дефицит культуры границ» служит либо их полное снятие (размывание до неразличимости), либо установление (акцентуация) жестких границ вне всяких требований целесообразности. Единый, универсальный, абстрактный индивид как мера деятельности людей в характеристиках социальных взаимодействий больше не фиксирует значение нормы; обобщенный образ человека больше не коррелирует с обобщенными же образцами науки, искусства, политики, права и т. д. Так, в условиях культурных трансформаций сама граница получает статус предмета изучения философии как имеющая прямое отношение к проблеме целостности человеческого бытия, к глубинным структурам человеческого сознания.

Детально рассматривая человека и его разум в предельных ситуациях культуры XX в., В. С. Библер неоднократно обращается к феномену границы. В его философии граница приобретает статус особой категории — логической и онтологической, что, на наш взгляд, требует детального рассмотрения.

Диалогика Библера в основании имеет концепт «начала» как потенциального состояния перевода несуществующего бытия в наличное бытие. Это пограничное состояние предполагает занятие особой гносеологической позиции, внутренней установки на диалог, с которого берет свое начало философское удивление [1, с. 153]. Это точка соприкосновения, «взаимопорождения» смысла в момент диалога на «границе друг друга» и на грани «последних вопросов бытия» [2, с. 230]. Здесь граница определяется как момент «смыслового обнуления», к которому обращается логика, отличая себя от иных логик, но при помощи которых возможно ее самообосновывание и ее различные варианты. Любая логика обнаруживает себя на границе логического (понятого в рамках определенной логической модели) и внелогического (другой модели миропонимания), которые в результате диалога обретают характер новой логики [3, с. 160].

Библер поясняет, что движение к границе должно сопровождаться сдвигом в исходной мыслительной установке к «...той точке, в которой мысль понимается накануне мысли, бытие — накануне бытия (бесконечно-возможного бытия), культура — накануне культуры» [2, с. 10]. Зафиксировать такое состояние можно через понятие «парадокс» [4, с. 7]. Парадокс — это, с одной стороны, затруднение, которое ощущается человеком как состояние противоречия, абсурда,

«тупика мысли», а с другой стороны, имеет обоснование как начало логического движения «...на основе тех форм логического вывода и доказательства, которые исходят из этих начал, опираются на них» [4, с. 10]. Иными словами, предел ощутим в необходимости выйти за пределы в иную систему логики, за сами пределы мышления — «...в нечто вне-логическое как основание (?) логического» [4, с. 10].

Парадокс требует «несамоотносимости мышления», насущного напряжения, поскольку выход к «иной логике» требует формата «диалога логик», спора — как минимум двух логик, относительно которых возможно смыслопорождение и самоотнесение [4, с. 13]. Диалог развивается в логике парадокса, что предполагает «выход на бытие» как точку сопряжения смысла, как неисполнимый логический императив в ситуации реального затруднения. В этом случае сама жизнь вопрошает к разрешению — выходу в иную мысль, слово, поступок. В. С. Библер в этом вопросе солидарен с М. М. Бахтиным, говоря о том, что логика, несмотря на все превращения, остается именно логикой (мышлением в ситуации) и не трансформируется в метафизику [4, с. 15].

Библер описывает ситуацию первоначального затруднения как жажду «предмета возможного опыта», как исходный замысел в определении условий этого опыта [4, с. 60, 67]. Рассматривая естественную установку разума на познание мира, он обращает внимание на преддиалог — следствие обнаружения разумом себя в начальной пограничной ситуации «соотношения мысли и бытия» [2, с. 6]. Разуму, чтобы начать что-либо понимать, нужно «огранить неопределенное», создать в сознании связку субъекта и предмета познания. Этот момент и есть возможность самой мысли путем осторожного «нащупывания» разумом мира. Впоследствии, уже в логике «разума познающего», эта ситуация осмысливается как момент сомнения, спор о началах науки, как рефлексия относительно способности трансформировать самого себя в ходе этого познания. Но первоначально, в ситуации преддиалога, разум определяет свой функционал, начиная спор за право быть познающим субъектом с обращения к собственному Я (*cogito*). Этот же спор может быть рассмотрен как спор за право стать истинным бытием (природой, субстанцией, бытием разума) по отношению к «разуму познающему».

Постепенно мышление утверждает себя в качестве всеобщего субъекта, удостоверяющего всеобщий объект как самобытный и субстанциональный. Тогда выкристаллизовывается логика познающего разума как некое «замкнутое целое», способное к развитию в споре с иными логиками благодаря «логике самообоснования логики» [4, с. 27]. Фиксируя особенности «наукоучения», Библер особо подчеркивает этот разрыв мышления (мыслящего субъекта) и бытия (как единого предмета мышления), снимаемый идеей тождества [2, с. 5]. Благодаря чему достигается тождественность мышления и бытия? Библер отвечает на этот вопрос, анализируя подходы Канта и Галилея как два способа логического самообоснования.

Способ, выбранный Кантом, — это система знаний, объединенных одной идеей (связью оснований и следствий) исходя из приоритета теоретического конструирования [4, с. 33]. Другими словами, наука, по Канту, развивается в логике вывода знания из исходных аксиом как форма,

обосновывающая собственное содержание. В содержательном плане это логика конструирования понятий и утверждения понятий [4, с. 36]. Поэтому логика науки всегда проследживается в споре с ненаукой (как критика предшественников и современников), не имеющей обоснованного санкционированного научным сообществом аксиоматического понятийного содержания. Так рождается система знания в границах, защищаемых принципами качественного единства, замкнутости, непротиворечивости, выводимости.

Логика эксперимента Галилея подразумевает раскрытие познающим разумом своих идей в природе. В этом случае разум предстает как учитель самого себя, самоуверяясь через экспериментальную подверженность знания. В данном случае границы познания определены границами возможного эксперимента, поскольку только то, что может быть подтверждено или опровергнуто опытно имеет характер понятий и фундаментальных законов [4, с. 97]. Эксперимент предстает как форма истинного опыта, форма познания логически непротиворечивых суждений за счет фиксации изменений. Для экспериментатора важно получить некую тождественную форму, доступную для дальнейшего анализа в плане развертывания и углубления системности представлений. При этом необходимо избавить предмет от всех «субъективных примесей собственного бытия», сделать его идеальной моделью (точкой в абсолютном времени и пространстве) [4, с. 105]. Результативность этих общих схем получает подтверждение непрерывностью всех форм практик как действенных, а потому безусловно значимых вне зависимости от содержательного приращения знания. Так возникает модель механического математического мира.

Библер обращает внимание на то, что теоретическая беспомощность экспериментального метода стала очевидна, когда мышление столкнулось с невоспроизводимостью в мысли предмета «невозможного опыта» (до- и внеопытного предмета). Эту процедуру проделал Кант, применив принцип эксперимента Галилея к чистому разуму, с целью самоуверения идеи и предмета в самом разуме. Задачей Канта было самоуверить идеи разума в рассудке [5, с. 25]. Под воздействием результатов этого мыслительного эксперимента Кант пишет о том, что вещи могут существовать вне «кристаллической решетки», где допустимо ограниченное движение и взаимодействие, а значит мир раз и навсегда не определен. Более того, в метафизическом плане возможно существование многих миров, это подрывает тождественность мышления и бытия. Данные выводы стали возможны, поскольку скрытый парадокс безусловных идей разума и ненадежных оснований опыта стал демонстрацией того, что безусловное, с одной стороны, невозможно в разуме, а значит, и в рассудке, но всё-таки имеет место на границе/в ситуации парадокса [4, с. 125]. Другими словами, познающий разум имеет дело с понятиями «возможного опыта», но всегда ощущает их несовпадение с «вещью в себе» (предметом самим по себе), делая допущение на грани, когда любой предмет мыслится, но не познается.

Диалогический, а вместе с тем и парадоксальный смысл модели логики в пределах теоретического разума, в границах этой связки субъекта и объекта был скрыт, пока не был достигнут предел — момент исчерпания возможностей

определенной гносеологии. Предел стал ощутим как новая ситуация парадокса, когда то, что было четко определено, более не укладывалось в границы понятия (как нечто непонятное). Предел был понят как ситуация капитуляции разума перед вопиющей истиной реального, как отшатывание «в себя». Предел был обозначен как понятие, которое раз за разом обнаруживает нетождественное мысли бытие [4, с. 87–88]. Такой момент наступает в XX в., когда познающий разум Нового времени оказывается смещенным к своим границам, в область непродуманного, неосознанного, потаенного, но вместе с тем насущного реального мира. Для Библера это еще одна пограничная ситуация, ощущаемая как идея культуры, бытие в сфере культуры [4, с. 21]. Парадоксальность такой логики в самой несоотнесенности бытия и мышления как «...*нетождественного* мысли, немыслимого... бытия» [4, с. 23]. Это есть выход в логику диалога логик. Здесь самообоснование логики происходит «...*из сферы культуры и в сферу культуры*» [4, с. 27].

Говоря о начальной точке самообоснования философской логики культуры, Библер мыслит ее как момент освобождения сознания как от детерминации со стороны разума, так и от необходимости бытия — как ситуацию свободы, с которой начинается «конструирование мира впервые». К этому изменению сознания подталкивает сама культура, которая в XX в. предстает как «сознание промежутка» за счет взаимополагания и взаимоисключения различных культурных миров; кроме того, культура обретает решающее экзистенциальное значение на уровне повседневного сознания, жизненного мира человека [2, с. 246]. Феноменальный мир культуры мыслится как пограничье, апофеоз различного, диалог разных культурных логик о смысле бытия и возможности понимания.

Казалось бы, этот мир без ограничений, больше не нуждается ни в идее границы, ни в практиках ее установления и поддержания. Но современная культура обнаруживает небывалый дефицит границ, проявляющийся в наступающей маргинализации, «уходе» в бессознательное, на уровень простейших реакций и экстремальных телесных практик. Пограничность ощущается отдельным человеком как:

- одновременность различий и ощущение необходимости тождественного;
- жажда предельных смыслов бытия и недоверие к «голосу разума»;
- элементарность самодействия, граничащая с демонстративностью, и сложность поступка, избегание свободного решения;
- ощущение «эстетического схематизма прогресса» как всеобщей формы соотнесенности исторических эпох, знаний, умений;
- желание творчества, самовыражения.

В этих условиях насущной потребностью становится новый способ осмысления бытия, иная логика, но проблема состоит в том, что парадокс ее самообоснования сопровождается отторжением философской разумной логики, предубеждением против самой рациональности и логики как таковых. Иными словами, говоря о философской логике культуры, Библер подчеркивает необходимость выведения логики во вне-логическое, вне-понятийное бытие, и это необходимое условие, при котором возможна логика диа-

лога логик (онтологика, философская логика культуры) [3, с. 164]. Этот парадокс решается за счет не познания, но понимания предмета «во всей его неукротимой несводимости к мышлению», разглядыванию его «в двойном, тройном, многожды умноженном видении» с позиций разных форм и способов видеть мир [2, с. 270]. Здесь особенно важна мысль о возможности иной логики в ситуации парадокса «несоотнесенности мышления» — это второе условие логики диалога культур. Это вопрос трансдукции логики мышления в форму логики культуры как актуализации «бесконечно-возможного бытия в план произведения» [2, с. 9]. Следует обратить внимание, что эта логика предполагаемого бытия очень близка модели онтологического оправдания Ж. Делеза, поскольку опять возвращает нас на грань перехода от действительного к возможному (бытие существует только в той мере, в которой оно может стать возможностью действия, произведения). Сознание человека обнаруживает внеположенный ему предмет, затормаживается (пребывает в точке эпохи), свертхконцентрируется в этом «зазоре со-бытия» и ощущает готовность к действию [3, с. 168].

Граница в этом новом формате логики диалога логик обретает значение точки «взаимного предельного перехода» в момент обретения смысла в конкретном, неотделимом от личности произведении культуры. Любое произведение не приобретает характеристики статичного объекта, выдерживающего логическое воздействие отстраненного субъекта, но осуществляется в текучем потоке смыслов, взаимодействии, диалоге, постоянном совмещении полюсов между автором и реципиентом культуры.

Раскрывая эту потаенную «интуицию культуры» как замысла бытия, определяющего сознание человека, Библер обращается к искусству. Искусство, по его мнению, ярче всего реализует идею философской логики культуры, поскольку более качественно преодолевает идею прогресса, избавляется от схематизма науки, нивелирует идею простого и сложного, демонстрирует эффективный способ обретения единства «в той самой уплотненности, снятости, упрощенности, что лучше всего реализуется в “последнем слове”. В искусстве “раньше” и “позже” соотносительны, одновременны, предшествуют друг другу, наконец, это есть корни друг друга» [2, с. 282]. И главное, искусство предполагает диалог — «многоместное множество» действующих лиц», органичное, целостное, заинтересованное, действительное, напряженно сопрягающее время и пространство в сосредоточие момента.

Любое произведение культуры, по мнению Библера, предполагает диалог на уровне личностного плана бытия [2, с. 289]. С одной стороны, диалог подразумевает участие авторства, в ходе которого сознание автора преобразуется в диалоге с будущим слушателем, читателем, зрителем, позволяет увидеть со стороны свое собственное бытие, планировать участное восприятие. С другой стороны, участное восприятие предполагает неповторимую ситуацию осмысления и самоопределения себя относительно произведения в ходе диалога с автором. Так, в ходе диалога сохраняется «...единство предметного смысла логики культуры (идея произведения) и ее основных идеализаций...» [2, с. 289], но не только это. Концепция диалога служит основанием для осмысления наиболее важной, для

автора, проблемы — проблемы самодетерминации индивиду в границах личности как в границах культуры.

Библер констатирует ситуацию массовой культуры с ее стереотипными типами мышления и формами культуры и снова обращается к идее «участного мышления» М. М. Бахтина, осмысленного поступка, понимая, что логически помыслить «эти начала возможно только на пределе и только в настоящем времени» [2, с. 289; 6, с. 45]. Для него важна граница как точка взаимопорождения ответственности (как акт разума и воли) за начало моей жизни в сопряжении с предельными вопросами жизни других людей. Это и есть, по его мнению, основания гуманистической этики и ключевая интуиция бытия в культуре. Так философская логика культуры оказывается сопряжена с онтологией.

Для любого человека, по мнению Библера, культура — это «мир впервые», более того, любой человек — творец этого мира. Не гениальность и избранность определяют творца, но его участие в мире как Произведении. Библер обозначает несколько условий этого творческого участия: ограниченность, единственность и неповторимость поступка; адресность поступка; определенность и потенциал саморазвития поступка (поступок должен быть чреват продолжением) [2, с. 291].

Итак, по Библеру, человек живет в контексте «соучастия в жизни произведений культуры», в постоянном диалоге личностей «актуальных или (и) потенциальных культур» [2, с. 193]. Но для того чтобы мир состоялся, нужно разграничивание как процедура отстранения автора от произведения, читателя от автора, как взгляд создателя на «дело рук своих». Этот момент отстранения и есть та ситуация философского удивления, осознания странности вещи и вместе с тем особой ее привлекательности для познания [1, с. 138]. При этом сохраняется связка «Ты — Я» как диалогичность, со-бытийность, взаимозависимость, взаимоучастность различных миров как различных «способов быть» (различных онтологически, логически, телесно, духовно). Тогда бытие, которое не может быть до конца снято мыслью, ощущается как скрытый потенциал, «онтологическое допущение», сама возможность, готовая к утверждению и узнаванию собственных начал в ходе диалога. В продолжении этой мысли следует отметить, что для Библера очень важен момент понимания культуры не как набора артефактов (текстов, памятников, знаков), характеризующих определенный исторический тип культуры, но как перекрестка актуальных смыслов, раскрывающихся в произведении. Культура имеет смысл как со-творчество, как форма творимая и творящая [1, с. 153].

Кроме того, особое значение имеет момент разграничивания как выбора способа самодетерминации человека в границах культуры, поскольку для современной культуры особенно важен вопрос ответственности, степени участия

личности. Век XX создает многочисленные формы самодетерминации «из-вне», с мощными механизмами воздействия на сознание обывателя, и «из-нутри» которым трудно противостоять. Что можно противопоставить этому воздействию? По мнению Библера, только участие мышление, которое возможно в диалоге на границах (гранях) культуры в сопряжении искусства, философии, нравственности и теории. Их связность может тоже рассматриваться как производящее произведение, поскольку в момент принятия решения все грани культуры как грани человеческого бытия в магическом кристалле образуют некое единство в поступательном усилии личности. Этот момент «трансдукции» (взаимоперехода и взаимообоснования логик) есть сопряжение сил самодетерминации и детерминации извне в границах сознания [2, с. 321]. Чаще всего данное состояние фиксируется самим человеком как состояние готовности к действию под воздействием свободы воли в условиях непреодолимой «силы обстоятельств». Но философская логика культуры требует усилия по «расчистке» сознания для мысли и действия. Способность перерешить, вернуть свое сознание к началам бытия, создать «мир впервые» и безусловно принять ответственность за этот мир — вот критерии «участного мышления» и потенциал диалога. Очевидно для В. С. Библера был очень важен момент понимания нетождественности человека его жизнедеятельности, раскрытия его потенциальной способности действовать сознательно, соотнося логику бытия вещи с логикой мысли [7, с. 139].

Таким образом, философская позиция В. С. Библера обращена в «эпицентр человеческого существования» [8, с. 155], к насущным проблемам культуры, науки, сознания. Культура, в теории Библера, — мир значимого (а значит, и актуального) только в границах произведения. Именно произведение сохраняет культуру как со-бытие, творчество, в котором проявляется незавершенность (как потенциал раскрытия авторского смысла) при непосредственном участии адресата благодаря усилию, действию, поступку. Это и есть, по Библеру, «внутренняя речь открытым текстом» [9, с. 69]. В. С. Библер вслед за М. М. Бахтиным открывает в концепции диалога потенциал свободной самодетерминации человека, силу поступка как основания реальной и духовной жизни человека в мире культуры. При этом сама культура есть форма бытия на границе, «форма диалога и взаимопорождения» смыслов. Диалог возможен как со-бытие, произведение, которое само есть форма общения людей в «горизонте общения личностей» и на границах различных граней культуры. Диалог побуждает к поступку, поскольку сознание требует перехода к деятельности (действительности усилия). Поступок, в теории В. С. Библера, позволяет осмыслить сосредоточение бытия в построении индивидуальной судьбы и культуры в целом за счет идеи логики начала логики.

Библиографический список

1. Ахутин А. В. Всё еще только начинается... Памяти В. С. Библера. Антинекролог // Вопросы философии. 2001. № 6. С. 136–158.
2. Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М. : Политиздат, 1991. 413 с.
3. Маркова Л. А. Нетождественное мысли бытие в философской логике (В. С. Библер и Ж. Делез) // Вопросы философии. 2001. № 6. С. 159–175.
4. Библер В. С. Кант — Галилей — Кант. Разум Нового времени в парадоксах самообоснования. М. : Мысль, 1991. 320 с.

5. Кант И. Критика чистого разума // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 3. 741 с.
6. Бахтин М. М. К философии поступка // Собр. соч. : в 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х гг. М. : Русские словари, 2003. С. 7–68.
7. Ахутин А. В. Философия как логика (К столетию со дня рождения Владимира Соломоновича Библера) // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 130–140.
8. Длугач Т. Б. В. С. Библер как феномен философской культуры XX века // Вопросы философии. 2010. № 9. С. 154–166.
9. Библер В. С. Мышление как творчество. М. : Политиздат, 1975. 399 с.

References

- Akhutin A. V. (2018) *Filosofiya kak logika (K stoletiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Solomonovicha Biblera)*, *Voprosy filosofii*, no. 9, pp. 130–140. (in Russian)
- Akhutin A. V. (2001) *Vse eshche tol'ko nachinaetsya... Pamyati V. S. Biblera. Antinekrolog*, *Voprosy filosofii*, no. 6, pp. 136–158. (in Russian)
- Bakhtin M. M. (2003) *K filosofii postupka, Collected Works: v 7 t. Vol. 1: Filosofskaya ehstetika 1920-kh godov*. Moscow, Russkie slovari Publ., pp. 7–68. (in Russian)
- Bibler V. S. (1991) *Kant — Galilei — Kant. Razum Novogo vremeni v paradoksakh samoobosnovaniya*. Moscow, Mysl' Publ., 320 p. (in Russian)
- Bibler V. S. (1975) *Myshlenie kak tvorchestvo*. Moscow, Politizdat Publ., 399 p. (in Russian)
- Bibler V. S. (1991) *Ot naukoucheniya — k logike kul'tury: Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyi vek*. Moscow, Politizdat Publ., 413 p. (in Russian)
- Dlugach T. B. (2010) *V. S. Bibler kak fenomen filosofskoi kul'tury XX veka*, *Voprosy filosofii*, no. 9, pp. 154–166. (in Russian)
- Kant I. (1994) *Kritika chistogo razuma, Collected Works: v 8 t.* Moscow, Choro Publ., vol. 3, 741 p. (in Russian)
- Markova L. A. (2001) *Netozhdestvennoe mysli bytie v filosofskoi logike (V. S. Bibler i Zh. Delez)*. *Voprosy filosofii*, no. 6, pp. 159–175. (in Russian)